

Газин Анд.

ЧРУ - 90

Комсомольская звезда. — Краснодар. — 1990. — Четверг. — С. 7.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ «638»

2. ЛЮДИ В ШТАТСКОМ

И завертелось. Общая «любовь» ко мне объединила Войтенко и моего старого знакомого журналиста Юрия Филинова. Юра к тому времени организовал целую серию «разоблачений», мое имя гремело на весь Союз. А тут еще инцидент в Чите. Там собственный корреспондент «Комсомолки» Вишневский перевалифицировался в «сыщика» и устроил бучу в аэропорту. Пока я бегал по поликлиникам, Вишневский успел тиснуть статейку, из которой явствовало, что дети из моего ансамбля избили... читинскую милицию.

Стоило бы рассказать и этот детективный сюжет — когда-нибудь в этом, возможно, и будет надобность, но, поскольку дело прошлое, ограничусь беглым упоминанием, что оно закончилось вничью. Мне расхотелось судиться с милицией, поскольку она и сама стала жертвой провокации со стороны все того же собкора Вишневского. Надеюсь, в Чите были рады такому исходу и станут критичнее относиться к призывам «тащить и не пуштать» «Ласковый май».

Но тогда, в июле, настроение у меня было паршивое. Ярлык хулигана налепили крепкий. И тут Войтенко объединился с Филиновым. Я говорю об этом в переносном смысле. Возможно, они даже не знакомы. Но был один человек, связавший журналиста, проникшегося ко мне совершенно непонятной яростью, и юного интригана-нувориша из молодежного центра при Всесоюзном фонде милосердия и здоровья. Фамилия этого человека Веденкин. С ним связана еще более детективная история, заслуживающая пера Джеймса Чейза.

В один прекрасный день в дирекцию спортивного комплекса «Олимпийский», где должен был выступать «Ласковый май», пришли двое молодых мужчин. Один, изящный бородач, был хорошо известен дирекции — журналист Юрий Филинов. Другой отреагировался простенько, но со вкусом:

— Старший лейтенант Войнов. Следователь. Военная прокуратура СССР.

— Чем можем помочь?

— Дело в том, что я веду расследование крупного государственного преступления. Основной фигурант дела — Андрей Разин.

— ?!

— Не удивляйтесь. Следствие располагает неопровергнутыми уликами. Через несколько дней будем брать. А пока прошу снять концерты «Ласкового мая».

Если бы на дворе стоял 1937 год, требование «чекиста» было бы незамедлительно выполнено. Но на пятом году перестройки один из директоров «Олимпийского» все же рискнул поинтересоваться, кто будет платить дворцу неустойку: вся прокуратура или лично товарищ следователь?

Вместо сколько-нибудь бывшего ответа сыщицкий дуэт молча ретировался, оставив директора комплекса В. Чурилина и Э. Мешкова в большом недоумении.

Когда мне рассказали об этом визите, я сразу понял, что добывание информации обо мне поставлено на серьезную профессиональную и уже не только журналистскую основу. Иначе как бы было добраться аж до детских домов в глухоманях Ставропольского края и получить на руки документы времен моей ясельной жизни, чтобы предъявить их всему честному народу во «Взгляд»?

Но кто же такой следователь Войнов? (Потом выяснилось, что он все-таки Веденкин).

Продолжение. Начало см. «Комсомольская звезда» за 1 апреля с. г.

Долго мучиться догадками не пришлось. Скоро он сам пожаловал ко мне, представился. Завязался занятный разговор.

— Знаешь, Андрей, — доверительно сказал он, — в нашей «конторе» на тебя двухметровое досье. Где, когда, зачем... и все такое прочее. Ты под колпаком. Но есть хорошая возможность быть на плаву. Будем... сотрудничать. Для начала я тебе сообщу, что в твою команду крупнейшей мафии внедрен человек

ма, громкое разоблачение. Я был на гастролях и позвонил домой. Ответила рыдающая теща:

— Андрей! Срочно приезжай. У нас был обыск. Искали оружие, драгоценности и наркотики. Забрали все твои джинсы. Короче — ужас!

Я помчался домой. Картина, что и говорить, была тяжелая. Весь дом пропах корвалолом. Оказывается, в лучших традициях НКВД в дверь позвонили, а потом вбежали несколько работников мили-

ции, в его жизни интересную роль — Олегу Николаевичу настолько понравилось быть богатым, что он забросил учение Маркса и завалил экзамены в ВКШ. Войтенко решил стать менеджером и возглавить... «Ласковый май». Под его знамена ринулись Костя Пахомов и Сережа Серков.

На Сережу я не обижаюсь — безответственность, нелегкий характер, его поманили, он и пошел. А вот с Костей дело посложнее. С ним я намучился. Он из обеспеченной се-

Позиция — Андрея Разина

Вокруг да около...
«Ласковый май».

по фамилии Грозин. Он из Иркутска и имел отношение к побегу семьи Овчинных. Он избил Филинова, потом убьет и ограбит тебя. Будем с ним «работать»...

Мне стало плохо. Первое, что подумал: видеть, мой собеседник сбежал из сумасшедшего дома. Но я тут же прошел: этот визит и трогательно наязываемая дружба скорее всего обойдутся мне в копейку. Очень уж бегали глазки у очередного моего благодетеля, когда речь в беде заходила о творческих гонорарах в ансамбле.

А он между тем развернулся вовсю. Что ни день, проводилтайные собеседования с ребятами из «Ласкового мая», брал объяснительные ото всех, кто когда-нибудь был знаком со мной. При этом Веденкин весело приговаривал:

— Ништяк, Андрюха, всех врагов разоблачим!

С Войтенко у него установились очень душевые отношения. А после того, как я отказался Олегу платить и потребовал выполнения договорных обязательств, они стали ходить чуть ли не в обнимашку. Думаю, что не без помощи Веденкина и составил обиженный Войтенко донос в прокуратуру Дзержинского района г. Москвы. Составлен он был по всем правилам и произвел там впечатление колоссальное. Войтенко написал, что Разин, получая творческие гонорары, не выплачивал с них подоходного налога. По самой примитивной арифметике и то получалась астрономическая сумма. Конечно, если бы в прокуратуре с самого начала озабочились поинтересоваться, кто обязан отчислять подоходный налог, то выяснилось бы, что в обязанности непосредственно артиста это не входит. И «дело» лопнуло бы сразу. Но Войтенко поверили, наверное, и обошлось тут и без Веденкина. Завораживающая сум-

ми с резиновыми палками и «макаровыми» на изготовку:

— Ваш зять опасный преступник!

Тесть попробовал что-то вкнуть. Но его быстрым отсекли в угол и прижали к стене. Бравые милиционеры не приняли во внимание, что теща — венгерский гражданин, ответственный работник СЭВ. Хотя, что им какие-то там права или правила, коль скоро поставлена боевая задача найти в квартире ни много ни мало — миллион. Тесть потом сказал: «Я вижу, что перестройка у вас еще продлится очень долго».

Мне было не до сентенций. Обыски прошли у моих сотрудников (позже — прокуратура Москвы) приносил официальные извинения за чрезмерную резвость следователя Шерешовца и дерзкую отвагу его подчиненных, но этим дело не кончилось. Меня вызвали на допрос. Через каждые пять минут Шерешовец хватался за телефонную трубку и кричал:

— Посажу! Ты у меня полгода сидеть будешь! Из этого кабинета прямой путь в Матросскую тишину!

Я сознавал, что угрозы были не совсем уж блефом. Ведь в уготованное мне заведение уже водворили двух моих администраторов — Андрея Фомина и Рашида Дарабаева. Почему, за что?

На эти вопросы Шерешовец отвечал с похвальной лаконичностью:

— Сядешь — узнаешь. На душе скребли кошки. А тут еще поднесло сюрприз родное телевидение.

3. ДЕЛА ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ

Впрочем, по порядку. Оказывается, пока я ходил на допросы, Олег Войтенко плонул на комсомольское образование, махнул рукой на перспективу сделать функционерскую карьеру по части политической (хапнутые от «Ласкового мая» деньги сыграли

мии, заласкан, считает себя почти что Майлсом Джексоном. В коллективе ребята-детдомовцы его невзлюбили. Пришло гасить конфликты. Но расставаться не хотелось.

Даже после того, как Костя украл у барабанщика Сережи Ленюка деньги, я отстранил Сережу, но оставил Костя. Он к тому времени был уже «звездой». Окончив школу, он заявил, что хочет работать самостоятельно. Я не препятствовал. Вольному воля.

Но Костя начал «самостоятельность» с телевизионных разоблачений. Сначала я обиделся, но потом понял, что парень не такой уж простой. Он усек, что без «Ласкового мая» ему ничего не светит, а брань в мою сторону вызовет к нему интерес.

Поняв это, я успокоился. Пусть ругается. Ведь если он замолкнет, его забудут. А дело идет к тому, что скоро ему в армию. Двухгодичный антракт может поставить на его славе крест. Вот и тянет продержаться хотя бы этим. Так что я совсем не против его дальнейших «разоблачений». Я понимаю Костино положение: быть на виду — любыми средствами.

Но это сейчас. А тогда, не скрою, страдал, включая радио или телевизор. Про меня, про наш «Ласковый май» с завидным напором распространялось такое, что миллионы подростков, не говоря уже о взрослых, казалось бы, не оставалось ничего иного, как только возненавидеть нас и навсегда от нас отвернуться. А тут еще подлила масла в огонь газета «Социалистическая индустрия». Это был просто-таки настоящий кроссворд.

Получилось, как в старом анекдоте про шубу. Либо я украл, либо у меня украли, но что-то произошло...

А тут еще новость. Помнишь, я упоминал фамилию Грозина? Прямо на концерте появился Войтенко, элегантным жестом указал на него, и работники милиции, не церемонясь, арестовали Грозина.

Что делать?

И в эту минуту ко мне, как ангел, явился Веденкин.

— Ну, что, я тебе говорил? Фирма веников не вяжет. Не хотят меня слушать — теперь расхлебывай. Олежка прибрал к рукам твой «Ласковый май» и уже бороздит просторы, Филинов «опознал» на очной ставке Грозина, тебе шьют расстрельное дело. Телевидение тебя доконает. Но не дрейфь. Всегда есть выход.

— Какой? — с надеждой вскричал я.

— Отстегиваешь мне стотысяч, а остальное гарантирую. Филинов о тебе больше ничего плохого писать не будет. Орлов твоих выпустят на свободу. Дело замутят. Пой себе на здоровье, веселись превославных...

(Продолжение следует).